

УДК 821. 512. 161 – 31. 09

ДИАЛОГ О ГОРОДЕ: ОСОБЕННОСТИ ТУРЕЦКОГО ИНТЕРТЕКСТА РОМАНА ОРХАНА ПАМУКА «СТАМБУЛ: ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ»

Посохова Е. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: katerinaposoхова@gmail.com*

Настоящая статья рассматривает проблему турецкого интертекста в автобиографическом романе лауреата Нобелевской премии по литературе 2006 г. Орхана Памука. Диалог об образе Стамбула, в который автор на страницах данного произведения вступает со своими соотечественниками и европейскими писателями, является ключевым фактором идейно-художественного своеобразия его автобиографического романа. Определена специфика образа города в рамках турецкого интертекста романа, прослежены особенности восприятия Стамбула Р. Э. Кочу, А. Х. Танпынаром, Я. Кемалем. Проанализировано диалогическое взаимодействие турецкого интертекста с авторской нарративной структурой в контексте обсуждения и при создании образа Стамбула. Доказано, что Орхану Памуку импонирует черно-белый меланхоличный образ города, который он находит в творчестве стамбульцев и который вызван утратой прежнего величия Османской империи. Вместе с тем, писатель отмечает в произведениях Р. Э. Кочу наивность и нарочитую занимательность. Что касается творчества Я. Кемала и А. Х. Танпынара, то романист, разделяя их любовь к окраинам, тем не менее отвергает их национализм.

Ключевые слова: Интертекст, диалог, образ Стамбула, Орхан Памук, турецкий роман.

В 2006 году, когда Орхан Памук стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, в пресс-релизе Шведской Королевской академии было отмечено, что турецкий писатель «в поисках меланхолической души родного города нашел новые знаки для обозначения столкновения и переплетения культур» [15]. Словосочетание «новые знаки» является существенным в характеристике новаторства Орхана Памука, которое в романе «Стамбул: город воспоминаний» проявляется, прежде всего, в диалогическом взаимодействии его представления о городе с видением турецких авторов и европейских писателей.

Изучение специфики подобного диалога невозможно без понимания особенностей образа города, созданного соотечественниками Орхана Памука. Их видение Стамбула составляет турецкий интертекст романа. Это одна из актуальных проблем памуковедения, решения которой позволяет расширить представление о творческом методе автора. Новизна подобного исследования заключается в том, что фокус исследований творчества Памука – немногочисленных в отечественной тюркологии в отличие от зарубежья – смещен на проблемы постмодернизма его произведений. Фундаментальные труды, составляющие корпус памуковедения в Турции, включают в себя работы Г. Айтач, А. Кабаклы, Б. Моран, Ф. Наджи, М. Текин, Й. Эджевит

[1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. В российской тюркологии – это исследования С. М. Утургаури, М. М. Репенковой и А. С. Сулеймановой [18, 21, 22]. В украинском литературоведении жанровый аспект творчества автора анализируется в работе А. В. Рог [20].

Цель данной статьи – запомнить существующий пробел в палуковедении, исследовав турецкий интертекст автобиографического романа Орхана Памука, что, в свою очередь, откроет перспективы для анализа диалога об образе Стамбула в авторской наррации и турецкой интертекстуальной плоскости. Для изучения сходств и различий авторского видения города и представлений о нем турецких писателей будут использованы результаты исследования, изложенные в ранее опубликованной нами статье «Стамбул как палимпсест: о некоторых особенностях образа города в автобиографическом романе Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний»»

Турецкие литераторы сравнительно немного писали о Стамбуле вплоть до начала XX в. Как отмечает Орхан Памук, «дать портрет живого города, передать его атмосферу, его дыхание, уловить все подробности его повседневной жизни может только литература — но на протяжении нескольких столетий литературные произведения о Стамбуле выходили лишь из-под пера иностранцев» [17, 315]. Для своего автобиографического романа он выбрал четырех «одиноких печальных» писателей, без «незримого присутствия которых», он не мог бы представить себе родной город. Речь идет о Я. Кемале (1884—1958), А. Х. Танпынаре (1901—1962), Р. Э. Кочу (1905—1975) и А. Ш. Хисаре (1888—1963) [17, 145]. Последнему отведено сравнительно мало места в романе, поэтому фокус нашего исследования будет направлен на первых трех. По признанию Орхана Памука, представление о городе этих писателей стало «неотъемлемой частью» образа Стамбула для него самого [17, 143].

Каждый из «печальных одиноких» писателей так или иначе испытал влияние западной литературы и искусства. Например, А. Х. Танпынар, как и его учитель Я. Кемаль, который в юности провел девять лет в Париже, находился под влиянием поэзии С. Малларме, П. Верлена и Т. Готье. А. Ш. Хисар был поклонником французских прозаиков, особенно А. Жида [17, 149]. Естественно, что эти турецкие писатели восприняли многие идеи и представления западной литературы и начали свое творчество с подражания любимым европейским авторам. Однако они понимали, что такой путь может угрожать утратой «достоверности, самобытности и подлинности в творчестве». По этому поводу Орхан Памук отмечает, что «ощущаемый ими конфликт между желанием писать по-западному и необходимостью быть «настоящим» был особенно мучителен в первые годы их литературной деятельности» [17, 149].

Орхан Памук апеллирует к творчеству четырех «печальных одиноких» писателей, так как в поисках «подлинного голоса» они нашли импонирующую ему тему, которая является, по его словам, подлинной и поэтической, а именно — крах Османской империи, а следовательно, и исчезновение османской культуры, в которой они родились и выросли. Романист комментирует это следующим образом: «Глубокое переживание непоправимого распада османской цивилизации позволило им, избежав опасности впадения в примитивную ностальгию, похвальбу великой историей или агрессивный национализм и изоляционизм, которыми заразились столь многие их современники, приобрести особый взгляд на прошлое, превращающий

рассказ о нем в поэзию» [17, 150]. Именно в их произведениях Орхан Памук столкнулся с той печалью, которая возникает от осознания безвозвратной утраты культуры. Их Стамбул, также как и Стамбул Орхана Памука, полон развалин красоты, которой больше не существует.

В статье «Философия творчества» Э. А. По пишет, что, работая над «Вороном», он размышлял над вопросом, как написать произведение, проникнутое меланхолией. И он понял, что самая печальная тема — это смерть, а поэтическую окраску она приобретает, соприкасаясь с красотой: «Смерть прекрасной женщины, вне всякого сомнения, является наиболее поэтическим предметом на свете» [16, 375]. У стамбульских писателей и красота, и смерть как основные мотивы творчества совершенно иного рода. Они повествуют о жизни старого Стамбула и о его красоте, которая угадывается даже в развалинах города, поскольку, как подчеркивает Орхан Памук на страницах своего романа, «прошлое продолжает жить в стамбульских руинах» [17, 152].

В детстве Орхана Памука заинтересовала большая книга, форматом в газетный лист, которая называлась «От Османа Гази до Ататюрка. Панорама шести веков истории Османской империи» [8]. Как он позднее написал в своем романе, в этой книге история Османской империи, подававшаяся в турецких школьных учебниках «как совокупность войн, побед, поражений и мирных договоров, представляла <...> в виде череды занимательных и странных событий, в которых принимали участие не менее странные люди, в виде галереи захватывающих, пугающих, а порой даже отвратительных картин» [17, 198-199]. Так романист познакомился с творчеством историка Р. Э. Кочу, одним из четырех «печальных одиноких» писателей, творчеству которого уделяется большое внимание на страницах романа «Стамбул: город воспоминаний». Вначале он писал отдельные статьи, которые публиковала газета «Джумхуриет» под рубрикой «Странные и удивительные факты из нашей истории». Р. Э. Кочу родился в 1905 г. и стал свидетелем войн, которые привели к падению Османской империи и нищете ее бывшей столицы. Орхан Памук убежден, что «печальная душа» этого автора была «обращена в прошлое», поскольку он решил заняться историей в то время, как империя только что пала, а идеология новой республики, особенно на ранних этапах после ее установления, предполагала «забвение» и пренебрежительное отношение ко всему «османскому» [17, 206].

В 1954 г. эти статьи были изданы отдельной книгой, которая состояла из «удивительных и странных» черно-белых иллюстраций, занимательных рассказов, исторических фактов и сведений энциклопедического характера, поэтому ее читатель, по словам Орхана Памука, словно оказывался внутри одной из исламских миниатюр. В детстве Орхан Памук, разглядывая иллюстрации, прочитал о том, что в 1621 г. зима была настолько холодной, что Золотой Рог замерз полностью, а Босфор — частично. Когда Орхан Памук рассматривал соответствовавший этой истории рисунок, изображающий «поставленные на санные полозья лодки и вмерзшие в лед корабли», ему в голову не приходило, что «эти иллюстрации, как и все остальные рисунки в книге, скорее являлись плодом фантазии художника, нежели показывали, как все было на самом деле» [17, 200].

В сочинении Р. Э. Кочу присутствует немало пугающих подробностей, поскольку он уделил достаточно большое внимание теме, которая очень интересовала западных путешественников, приезжавших в столицу Османской империи, а именно — пыткам и казням. Но даже его исторически достоверные рассказы значительно «приукрашены» воображением автора. Например, известно, что в XV в. визиря Кара Мехмет-пашу обезглавили по требованию сипахов, восставших в Стамбуле. Вполне вероятно, что голову выдали мятежникам, которые, возможно, пинали ее ногами из ненависти к покойному визирю. Однако Орхан Памук выражает сомнение, что они «принялись играть ею, словно мячом, на манер современных футболистов» [17, 201]. Отмечая недостоверность отдельных фактов этой книги Р. Э. Кочу, романист ценит ее за то, что ее автор «был одним из тех особенных людей, чью душу ранила печаль Стамбула начала XX века, людей, создавших печальный, но незавершенный образ своего города» [17, 204].

«Панорама шести веков» была не первой попыткой Р. Э. Кочу познакомить читателей с историей Стамбула. Примерно десятью годами ранее он начал работу над «Энциклопедией Стамбула» [7], которую не завершил, дойдя до 11 тома (до буквы «G»). Об этом произведении Орхан Памук говорит, что оно «стоит особняком среди всего, что было написано о Стамбуле в XX веке, — это одновременно и самое странное, и самое яркое, и, благодаря своей структуре, ткани текста и общей атмосфере, наиболее полно отражающее дух Стамбула сочинение» [17, 204]. Несмотря на то, что сам автор «Энциклопедии Стамбула» целенаправленно не размышлял над этой темой, именно печаль определила внутреннюю логику его произведений. Орхан Памук считает, что источниками этого чувства были крах империи, биография писателя и, в первую очередь, Стамбул, хотя сам Р. Э. Кочу считал город «единственным утешением» [17, 204].

Сочинение Р. Э. Кочу не было энциклопедией в прямом значении этого слова. По словам Орхана Памука, в его представлении о том, что такое энциклопедия, было «нечто очень наивное и детское» [17, 220-221]. Он считал, что это — антология всякого рода сведений, представленных в алфавитном порядке. Р. Э. Кочу не придавал значения разнице между «историями» и фактами и не задумывался о том, что в энциклопедии последние должны быть упорядочены и подчинены определенной иерархии.

У Орхана Памука «вызывал сочувственное понимание наивный оптимизм Кочу, взявшегося одним махом перенести на турецкую почву жанр, на создание которого у европейской цивилизации ушла не одна сотня лет» [17, 223]. Последний пытался использовать западные приемы классификации, чтобы описать путаницу стамбульской жизни. С одной стороны, незавершенность энциклопедии и ее «неудачу» можно объяснить, как говорит Орхан Памук, многослойностью и беспорядочностью самого Стамбула того времени, а с другой, эта книга притягательна для романиста тем, что отражает «не поддающуюся никакой классификации и упорядочению странность, пестроту и анархию Стамбула эпохи перехода от Османского прошлого к современности» [17, 223]. Поэтому труд Р. Э. Кочу привлекает Орхана Памука именно этой «неудачей», поскольку ее автор попытался взглянуть на город «другими глазами». Романист убежден, что автор «Энциклопедии Стамбула» стал

на путь, который увел его от Востока, но так и не привел к Западу. Орхан Памук пишет по этому поводу следующее: «Самые глубокие и прекрасные места произведений Кочу <...> — именно те, где особенно сильно чувствуется <...> затерянность между двумя мирами» [17, 226]. Романист угадывает в этом нечто, присущее Стамбулу, поэтому, перелистывая тома энциклопедии, он словно отправляется на воображаемую прогулку по настоящему и прошлому города.

Большое место в романе «Стамбул: город воспоминаний» отведено диалогу автора с А. Х. Танпынаром и Я. Кемалем, которые неразлучны на страницах его романа. Также как и на романиста, на них сильно повлияли произведения европейских писателей. Орхан Памук даже назвал Я. Кемалю «усердным читателем и поклонником Готье» [17, 298-299].

После окончания первой мировой войны А. Х. Танпынар и Я. Кемаль, гуляя по бедным окраинам Стамбула, чью печаль заметил в 1853 г. Готье, сравнивали свои впечатления с описаниями европейских путешественников. Орхан Памук считает, что «...посвященная Стамбулу часть книги Танпынара «Пять городов», самое значительное произведение из написанных в XX веке стамбульцами о своем городе, представляет собой своего рода беседу с Нервалем и Готье — беседу, порой переходящую в спор» [17, 213]. Например, рассуждения последнего о жизни гарема — здесь Орхан Памук добавляет, что «любой западный путешественник, попавший в Стамбул, тут же принимался размышлять на эту тему» — Танпынар называет «легкомысленными», прибавляя, однако, что нужно быть снисходительными к писателю, поскольку гарем, во всяком случае, действительно существовал [17, 308].

По мнению Орхана Памука эти два турецких писателя, которые пытались создать в своих произведениях и в газетных публикациях такой образ Стамбула, который могли бы принять сами его обитатели, гуляли по нищим районам города, чтобы «свыкнуться с мыслью о том, что и сам Стамбул, и вся Турция стали бедной окраиной мира» [17, 324]. Прошло семьдесят лет с того времени, как Нерваль и Готье посетили город. За это время Османская империя уменьшилась, теряя территории, и пала, а ее столица обнищала, потеряв свое значение в глазах Запада.

После таких прогулок А. Х. Танпынар размышлял о сгоревших особняках, полуразрушенных стенах, ветхих деревянных домах и безлюдных улицах, «оплакивая» исчезновение следов османской культуры из-за нищеты, модернизации и, самое главное, невежества самих стамбульцев, и находил в этих руинах красоту, наделенную особым смыслом. Он писал: «Полная приключений биография этих разоренных районов имеет для меня символическое значение. Только время, только долгая череда исторических событий и происшествий может придать району такой облик. Сколько побед, поражений и бедствий пришлось испытать предкам этих людей? Сколько всего было построено, разрушено и вновь построено, прежде чем эти улицы приобрели свой сегодняшний вид?» [цит. по 17, 325]. Эти впечатления созвучны мыслям Орхана Памука, который говорит следующее: «У меня не было ощущения, что я живу в одной из мировых столиц, — скорее я чувствовал себя жителем большого, но бедного провинциального города» [17, 323-324].

Раздумывая над вопросом о том, почему стамбульские писатели находили красоту в руинах, Орхан Памук в своем романе апеллирует к книге английского писа-

теля и историка искусства Джона Рескина «Семь светочей архитектуры» [19]. Ее автор утверждает, что основная особенность, отличающая живописную красоту в архитектуре, — это ее «случайность», т. е. нечто, не входившее в планы создателя того или иного строения. Таким образом, эта красота появляется, когда по прошествии времени здание приобретает случайные черты, например, его стены оплетает плющ, а в трещинах появляется трава; когда оно видится в неожиданном ракурсе. Вот почему, в силу ее случайности, эту живописную красоту нельзя сберечь. Ведь она присутствует именно в том, что разрушается и исчезает. Для многих стамбульцев, включая Орхана Памука, образ города напрямую связан с печалью руин. Как считает писатель, это объясняет тот факт, что многим жителям Стамбула «не нравится, когда старые, почерневшие и прогнившие деревянные особняки реставрируют и покрывают яркой краской, так что они обретают свой прежний облик и становятся такими, какими были в XVIII веке, во времена побед и процветания Османской империи» [17, 346-347].

Романист вспоминает, что в годы его детства в трещинах крепостей Румелихисары и Анадолухисары росла трава и даже деревья. Тогда подобные живописные виды встречались очень часто. Это были высохшие источники, полуразрушенные особняки, почерневшие от времени, увитые плющом стены мечетей, заброшенные дервишеские обитатели и пустые дома, покинутые уехавшими греками, армянами и евреями. Орхан Памук пишет, что «в этих печальных развалинах, ныне по большей части исчезнувших, жил дух города» [17, 336]. Таким образом, можно утверждать, что писатель, соглашаясь с мнением А. Х. Танпынара и Я. Кемаля, считает красоту руин одной из главных особенностей Стамбула.

В творчестве Я. Кемаля и А. Х. Танпынара есть и «оборотная сторона медали», на которую не преминул указать Орхан Памук. На страницах романа он задается вопросом, почему «величайшие турецкие прозаик и поэт XX века» не укрылись в своем внутреннем мире, если они так страдали из-за потери Стамбулом своей уникальности. Почему они гуляли по обнищавшим окраинам города, словно хотели сильнее прочувствовать «утрату»? Орхан Памук считает, что их цели были политического свойства: «Среди руин Стамбула они хотели найти основу турецкой нации и нового турецкого патриотизма. Пусть великая Османская империя пала — создавший ее турецкий народ (подобно новому республиканскому государству, наши писатели были готовы с легким сердцем позабыть про всех этих греков, армян, евреев, курдов и прочие меньшинства) все еще живет и здравствует, пусть и погружен в печаль» [17, 326]. По мнению писателя, поражение Турции в Первой мировой войне заставило Я. Кемаля и А. Х. Танпынара стать националистами. Далее Орхан Памук иронически и даже осуждающе добавляет: «Заставило, но они не очень расстраивались по этому поводу. Впоследствии такая позиция облегчила им отношения с государством, позволила занимать дипломатические посты и избираться в меджлис; этой же позицией было обусловлено их молчание после кровавых этнических столкновений 6-7 сентября 1955 года» [17, 329].

Я. Кемаль во время войны за независимость, последовавшей после крушения Османской империи и поражения в Первой мировой, пытался создать образ «турецкого Стамбула». Оказалось, что после основания республики и он, и А. Х. Танпынар

обеспечили идеологическую поддержку новой политики «отуречивания». Оба написали по статье под названием «Турецкий Стамбул». Орхан Памук категорически не разделяет подобную точку зрения на Стамбул, заявляя, что «из этих статей видно, насколько решительно их авторы отказывались видеть космополитическую, разноязыкую, веротерпимую сущность своего города» [17, 330].

Таким образом, диалог Орхана Памука с представителями турецкой культуры позволяет не только исследовать особенности турецкого интертекста романа, но выявить сходство и различие их представлений о Стамбуле. Автору импонирует черно-белый меланхоличный образ города, который он находит в творчестве стамбульцев и который вызван утратой прежнего величия Османской империи. Вместе с тем, писатель отмечает у Р. Э. Кочу наивность и нарочитую занимательность, предназначенную в большей мере для западных туристов. Что касается творчества Я. Кемала и А. Х. Танпынара, то романист, разделяя их любовь к окраинам, тем не менее отвергает их национализм.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ западно-европейского интертекста данного произведения и его взаимодействия с авторским видением города, что составляет второй аспект диалога об образе Стамбула. Этот диалог является поэтологической доминантой автобиографического романа Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний».

Литература:

1. Aytac G. Çağdaş Türk Romanları Üzerine İncelemeler / G. Aytac. – Ankara: Gündoğan Yayınları, 1999. – 420 s.
2. Aytac G. Edebiyat ve Medya / G. Aytac. – Ankara: Kültür bakanlığı yayınları, 2002. – 226 s.
3. Aytac G. Genel Edebiyat Bilimi: İncelemeler ; Araştırma / G. Aytac. –İstanbul: Papirüs Yayınları, 1999. – 272 s.
4. Ecevit Y. Orhan Pamuk'u okumak / Y. Ecevit. – İstanbul: Gerçek Yayınevi, 1996. – 223 s.
5. Ecevit Y. Türk Romanında Postmodernist Açılımlar / Y. Ecevit. – İstanbul: İletişim Yayınları, 2001. – 240 s.
6. Kabaklı A. Türk Edebiyatı / A. Kabaklı. – İstanbul: Türkiye yayınevi, 1994. – C. 5. – 132 s.
7. Koçu R. E. İstanbul Ansiklopedisi / R. E. Koçu – İstanbul: Tan matbaası, 1958. – Beş Ciltli.
8. Koçu R. E. Osmanlı Tarihinin Panoraması / R. E. Koçu. – İstanbul: Ak kitapevi, 1964. – 390 s.
9. Moran B. Türk romanına eleştirel bir bakış III / B. Moran. – İstanbul: İletişim Yayınları, 1994. – 138 s.
10. Naci F. Dönüp Baktığımda / F. Naci. – İstanbul: Adam Yayınları, 1999. – 178 s.
11. Naci F. Roman ve Yaşam: Eleştiri Günlüğü: 3. 1991-1992 / F. Naci. – İstanbul: Can Yayınları, 1992. – 221 s.
12. Naci F. 50 Türk Romanı / F. Naci. – İstanbul: Oğlak Yayıncılık ve Reklamcılık Ltd. Şti, 1997 – 427 s.
13. Naci F. Yüzyılın 100 Romanı / F. Naci. – İstanbul: Adam Yayınları, 1999. – 691 s.
14. Tekin M. Romancı yönüyle Orhan Pamuk ve Yeni hayat / M. Tekin. – İstanbul: Öz Eğitim Yayınları, 1997. – 118 s.
15. The nobel prize in literature: Orhan Pamuk [Электронный ресурс] – Режим доступа: [www/ URL: http://www.nobelprize.org/](http://www.nobelprize.org/)– 26. 03. 2012 г. – Загл. с экрана.
16. История зарубежной литературы XIX века: учеб. для филол. спец. вузов / В. Н. Богословский, А. С. Дмитриев, Н. А. Соловьева и др. ; под ред. Н. А. Соловьевой – М. : Высшая школа, 1991. – 637 с.
17. Памук О. Стамбул: Город воспоминаний / О. Памук ; [пер. с тур. М. Шарова, Т. Меликова] – М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2006. – 504 с.
18. Репенкова М. М. Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции / М. М. Репенкова ; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова. – М. : Вост. лит, 2010. – 240 с.
19. Рескин Дж. Семь светочей архитектуры / Дж. Рескин ; [пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, Сухарева] – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 320 с.

20. Рог Г. В. Жанрово-стильові моделі сучасного турецького роману (80-90 рр.). 2006 года: дис. ... канд. філол. наук: 10. 01. 04 / Г. В. Рог ; Київський національний ун-т ім. Т. Шевченка – К, 2006. – 204 с. – укр.

21. Сулейманова А. С. Постмодернизм в современном турецком романе: дис. ... канд. фил. наук: 10. 01. 03 / А. С. Сулейманова ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб, 2007. – 216 с.

22. Утургаури С. Н. Новая тенденция в турецкой литературе рубежа XX-XXI веков / С. Н. Утургаури, М. М. Репенкова // Турция на рубеже XX-XIX веков / [сост. и отв. ред. И. В. Зайцев, Н. Ю. Ульченко] – М. : ИВ РАН, 2008. – С. 217-242.

Посохова К. В. Діалог про місто: особливості турецького інтертексту роману Орхана Памука «Стамбул: місто спогадів» / К. В. Посохова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 1, ч. 1. – С. 280–288.

Ця стаття розглядає проблему турецького інтертексту в автобіографічному романі лауреата Нобелівської премії з літератури 2006 р. Орхана Памука. Діалог про образ міста, в котрий автор на сторінках цього твору вступає зі своїми співвітчизниками та європейськими письменниками, є ключовим фактором ідейно-художньої своєрідності його автобіографічного роману. Визначено специфіку образу міста в межах турецького інтертексту роману, простежено особливості сприйняття Стамбула Р. Е. Кочу, А. Х. Танпинаром, Я. Кемалем. Проаналізовано діалогічну взаємодію турецького інтертексту та авторській нарації у контексті обговорення і при створенні образу Стамбула. Доведено, що Орхану Памуку імпонує чорно-білий меланхолічний образ міста, що він знаходить у творчості стамбульців, викликаний втратою колишньої величч. османської імперії. Водночас письменник відзначає в творах Р. Е. Кочу наївність і нарочиту цікавість. Щодо творчості Я. Кемалю та А. Х. Танпинара, то романіст поділяє їх любов до околиць але відкидає їх націоналізм.

Ключеві слова: Інтертекст, діалог, образ Стамбула, Орхан Памук, турецький роман.

Posokhova K. V. The Dialogue about the City: the Characteristic Features of Turkish Intertext in the Autobiographical Novel *Istanbul: Memories and the City* by Orhan Pamuk / K. V. Posokhova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1, part 1. – P. 280–288.

The present paper focuses on the problem of Turkish intertext in the autobiographic novel by a Nobel price winner Orhan Pamuk. The literary innovation made by the author in *Istanbul: Memories and the City* concerns a dialogic interaction between his conception of the city and the vision of Turkish and Western writers whose ideas are expressed on the pages of the novel. It is the key factor that determines the idea-artistic originality, the plot structure and the whole poetics of the novel. The investigation of such a dialogue is impossible without analyzing the characteristic features of the city image created by Orhan Pamuk's compatriots.

Turkish authors didn't write much about Istanbul till the beginning of the XX century. In his novel Orhan Pamuk indulges into conversation mostly with R. E. Kochu, A. H. Tanpinar and Y. Kemal. The reason of his choice lies in the following. All of the abovementioned writers as well as Orhan Pamuk himself were more or less exposed to the influence of Western culture and literature. Thus adopting some ideas and concepts of Western literature they faced the problem of literary self-identification, finding their unique creative 'voice'. What they were afraid of is becoming just an imitation of European writers since they partly copied their style. This conflict was especially sharp in their early writings. The solution they found lay in the literary comprehension of an indigenous theme, the collapse of the Ottoman Empire that led to the extinction of its heritage. Their writing was full of melancholy and sadness that arose due to the loss of culture and the ruins of beauty that no longer existed. In their creative works they reflect upon Istanbul in ruins turning to its backstreets and outskirts. There, among the ruins they manage to find the sad beauty of the city with great past now gone and forgotten.

It is proved that the Turkish writers' perception of Istanbul and idea of it had a significant impact upon the Orhan Pamuk's vision. Nevertheless basing on the conducted analysis it is impossible to say that these two figures of Istanbul completely coincide with each other. Orhan Pamuk agrees to some points of view and rejects the others. Thus, a black and white melancholic figure of the city which is created in the writings of Istanbulian authors and caused by the loss of former greatness of the Ottoman Empire, finds a positive response in Orhan Pamuk. His own vision of the city which is reflected in his novel *Istanbul: Memories and the City*, is

quite the same since the novelist considers the sad beauty of the ruins to be the main characteristic feature of Istanbul.

At the same time Orhan Pamuk point out that R. E. Kochu's works are too naïve and characterized by the excessive entertaining descriptions and bizarre facts (which are not necessarily true) that a Western tourist in the spirit of Orientalism may seek in the capital of the Ottoman Empire. As to Y. Kemal's and A. H. Tanpinar's writings, the novelist sharing their affection to the ruins nevertheless rejects their political interests and ideas that underlay Turkish nationalism. In the ruins of the past these two writers sought the basis to create a new Turkish nation after the defeat in WWI. In the that historical contest it may seem justified but Orhan Pamuk doesn't accept the oblivion of the cosmopolitan past of Istanbul.

Key words: Intertext, Dialogue, Istanbul, City Figure, Orhan Pamuk, Turkish Novel.

Поступила в редакцию 01.03.2013 г.